

Научная статья
УДК 323.22/.28
doi: 10.17223/15617793/474/19

«Право на город»: политическое конструирование постпандемийного мироустройства

Алексей Игнатьевич Щербинин¹, Нина Гаррьевна Щербинина²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ shai52@mail.ru

² sapfir.19@mail.ru

Аннотация. Поднимается проблема актуальности «права на город» как инструмента борьбы с государством и корпорациями. Поставлена цель доказать, кто и как стремится овладеть этим правом в постиндустриальном мире и заложить основы будущего постпандемийного мироустройства. В оборот вводятся новые источники и зарубежная литература. За методологическую основу работы взят политико-конструктивистский подход, открывающий возможности для исследований в русле политической урбанистики.

Ключевые слова: Лефевр, право на город, производство пространств, нелиберальная теория, семиосфера, политический конструктивизм, политическая урбанистика, постпандемийный мир

Источник финансирования: статья подготовлена при поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках гранта 21-011-31374 опп по проекту «Право на город»: политические пространства устойчивости, конфликта, диалога.

Для цитирования: Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. «Право на город»: политическое конструирование постпандемийного мироустройства // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 169–177. doi: 10.17223/15617793/474/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/19

“Right to the city”: Political construction of the post-pandemic world order

Aleksey I. Shcherbinin¹, Nina G. Shcherbinina²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ shai52@mail.ru

² sapfir.19@mail.ru

Abstract. Lefebvre’s statement that with the advent of capitalism the state and the city turned into abstractions, and that the rules for the cities are written by those who do not live in them, namely administrative powers and corporations, is legitimate. Informatization, the so-called “information society”, does not solve the socioeconomic problems of the disruption. The informatization of space does not solve the problem, but rather generates “cyberanthropes” (Lefebvre), creating an illusion of prompt solution of complex management tasks. Without denying the successes of the information revolution, even agreeing conditionally with the concept of the “fourth industrial revolution”, we are forced to support infoskeptics who wrote that information discourse and information strategies in general resemble the manipulations of illusionists. Lefebvre’s original triad, described in *The Production of Space*, encompasses firstly *spatial practice*, including everyday reality. Secondly, it encompasses the *representation of space*, as a product of intention of scientists and planners, loaded with meanings and signs dominating in a given society. Thirdly, it encompasses *representational space*, “lived through its associated images and symbols”, attempting to “appropriate the imagination”. Public spaces, including their projections on social networks, are necessary not only for the generation of conflicts, but also for the possibility of consolidation of spaces, which ensure the sustainability of the city in a rapidly changing world. Lefebvre, in his *Right to the City*, understood the latter as a creation, which gives a chance to reassemble the city on a new semantic basis, in fact, using political construction. And in this regard, we think the constructivist approach is the most productive one. In the conditions of the coronavirus crisis, the city is disenchanted, it ceases to feel like an abstraction controlled from the outside. It starts to understand that the abstract and anonymous space of administration is limited by cubicles. Having taken the position of political constructivism, we see through which communication mechanisms such right is established, how the goals of factual city owners are proclaimed and masked. For this purpose, we set a framework that will allow us to consider, from the perspective of the urban semiosphere, various episodes and cases described by a number of researchers of the changing “urban world”. Finally, taking as a model the Report on Smart Sustainable Cities, presented by the United Nations Economic Commission for Europe in 2020, we conclude that it is difficult to solve global problems without the city as a subject of politics.

Keywords: Lefebvre, right to the city, production of space, neoliberal theory, semiotics, political constructivism, political urbanism, post-pandemic world

Funding: The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research, Project No. 21-011-31374.

For citation: Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2022) "Right to the city": Political construction of the post-pandemic world order. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 169–177. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/19

Востребованность пространственной теории Анри Лефевра и его последователей продиктована не только эпистемологическими проблемами общественных наук и, в частности, пробивающей себе дорогу политической урбанистикой, но и мегадинамикой, изменившей мир. Пределов роста достиг не единственно индустриальный капитализм, но и обслуживающая его идеология неолиберализма, сравнительно недавно провозглашенная победившей альтернативой, обозначившей «конец истории». Согласно мнению З. Баумана, государство как «последняя тотальность» уходит в тень, освобождаясь от прямых регулятивных функций, уступая место рынку. Государство, освобождаясь от целого ряда социальных обязательств, остается активным игроком на рынке материальных ценностей и ресурсов, обеспечивая свою необходимость не только вмешательством в производственные отношения, но и выступает гарантом собственно ценностей и смыслов неолиберализма в качестве активного игрока на рынке [1].

Парадоксально то, что, уходя от политически рискованного прямого регулирования, государство не собирается предоставлять городу то исконное право на политическое, которое продиктовано его генезисом, онтологией и спросом в условиях актуальных вызовов, предпочитая оперировать воображаемыми институтами, сохраняя и обустроивая политику на каждом новом этапе технологических и социально-экономических изменений. То есть, явно или скрыто исповедуя неолиберализм, освобождающий государство от социальной ответственности перед обществом, оно (вне зависимости от идеологически навязываемого лейбла) остается в отношении последнего авторитарным институтом, заинтересованным в поддержании *status quo*. При таком раскладе, отмечает Уоррен Магнуссон, сформировалась «доминирующая онтология, согласно которой, "высокая" политика – наиболее серьезная политика или собственно политика – всегда находится в сфере владения государств и империй, а все остальное подчиняется им. И эта точка зрения постоянно подтверждается политической теорией, лежащей в основе государственной системы и современных социальных наук» [2. Р. 1565]. Новые обстоятельства, связанные с глобальными процессами, дают возможность расколдовать мир идей, опираясь на повседневность, и сформулировать право города на собственно политическое признание субъектности. И снова Магнуссон: «Увидеть политическое сквозь город – значит заметить, как близкое разнообразие стимулирует самоорганизацию и самоуправление, порождает политику внутри и между органами власти в разных регистрах и откладывает претензии на суверенитет, которые оно порождает. С этой точки зрения, город не является ни высоким, ни низким, а,

напротив, является самой формой политического, охватывающего государства и империи, как и все остальное» [2. Р. 1565]. Причем, как показывают последние события в условиях коронакризиса, город – наиболее чуткий индикатор изменений, и им становится все труднее управлять с позиций традиционных политических институтов и технологий. В данном случае господствующий класс и обслуживающие его государственные структуры прибегают к широко-масштабной маскировке своей сущности. Налицо семиотический диссонанс. С одной стороны, господствующие концепты утрачивают «ядерный» смысл, манипулируя арсеналом из «оболочки», мало востребованной в повседневных практиках. С другой, обозначенные как «неполитическая политика» и «неполитика», обострившееся реалии пространства повседневности, текучие и нестабильные, активно ищут своей концептуализации. Возможно, в этом одна из причин популизма как политического феномена последних лет. Альтернативу ему государство видит либо в мимикрии, т.е. в буквальном смысле слова подражательстве и маскировке, в том числе реальности. Попробуем на ряде примеров показать, как это работает.

Свободное рыночное регулирование – одна из новаций эпохи модерна, освобождало политическую структуру от социальных обременений, завоеванных в классовой борьбе. Повод для избавления от них был самый удобный. Глобализация, как важнейшая черта постиндустриальной эпохи, фактически означала перемещение производств из Старого Света в новые регионы мира, не связанные социальными обязательствами между собственниками и трудящимися. Характерной чертой таких стран являются низкие уровни жизни, экологические стандарты и т.п., включая и нетребовательный к западным нормам политический режим. Деиндустриализация, как отмечает Арам Айзеншитц, прямо показала, что с экспортом промышленности утрачивается не только базовая национальная индустрия: «Капитализм потерял свое самое важное средство легитимации, а именно демократию» [3. Р. 22]. Так завершается постоянно тревожащая дилемма неолиберализма: обеспечение прибыли при сохранении классовых отношений и социальной демократии. Это было поражением и кейнсианской модели «мирного договора» как условия государства всеобщего благосостояния. Выведение производства за пределы страны фактически означало и выведение средств из под контроля обществу, проживающей на ее территории.

Как данные обстоятельства отразились на городах вообще и городских пространствах в частности? Перестав быть воплощенной на земле пространственной моделью фордистского обслуживающего производ-

ства, фактическим продолжением заводов, фабрик, морских портов и железнодорожных узлов, город в условиях глобализации экономики и вывода производства за пределы экономически развитых стран сам стал «производственной мощностью». Например, пространственные преобразования, связанные с брендингом городов, как средоточием туризма, местом деятельности «креативного класса», производства культуры и досуга. В новых условиях, когда общество представляет собой сконструированную окружающую среду, «брендинг мест имеет тенденцию маскировать политическую повестку дня неолиберализма, а это, в свою очередь, может способствовать укреплению классовых отношений без провоцирования политической реакции» [3. Р. 22].

На практике, вторгаясь в повседневное пространство, капитализм не собирается его просто улучшать через восстановление справедливого распределения, а, напротив, «зачищает» его от очагов недовольства и сопротивления. За последние десятилетия такой зачистке подверглись центры экономически привлекательных городов во всех уголках мира. Используя основные элементы пространственной модели А. Лефевра, обозначим устойчивую тенденцию вытеснения пространства повседневности с помощью административного пространства на периферию городского мира с целью продвижения пространства презентации. При этом символически нагруженное пространство презентации не просто маскирует обновленные конфликты труда и капитала, но открывает дорогу востребованным эпохой новым технологиям в области туризма, креативным разработкам в сфере дизайна и архитектуры, моды, шоу бизнеса, образования и т.п. Меняются классовая, образовательная, возрастная структуры горожан: К. Навратек пишет о классе новых горожан – мигрантах, туристах, студентах [4], Р. Флорида на основе многолетнего исследования доказывает прямую зависимость городского процве-

тания от образовательного уровня жителей города [5], Ч. Лэндри и Р. Флорида пишут о креативных городах и креативном классе [6, 7].

Креативная и интеллектуальная составляющие не могут не отразиться на пространственной структуре города. В числе доминирующих трендов новой эпохи одно из первых мест занимает теория и практика умных городов. Подобно случаю с брендингом это пример не только того, что старая по своей сути власть не чужда веяниям моды как повода для обновления повестки, но и того, как социальные проблемы, классовые конфликты маскируются под технологическую динамику, сулящую прибыль. Собственно теория умных городов включает пространственное измерение в качестве центрального компонента. Никос Комнинос начинает первую главу своей книги, посвященной эпохе интеллектуальных городов с того, что пишет: «Объединение концепции интеллектуальных городов с городской модернизацией открывает новый путь, который позволяет нам просматривать каждый город и городской округ с новой точки зрения и оценивать, как принципы и стратегии планирования интеллектуального города могут поддерживать возрождение городов с точки зрения конкурентоспособности, а также социальной и экологической устойчивости» [8. Р. 13].

Анализ литературы, предпринятый данным автором, показывает, как цифровое пространство от кибернадстройки превращается в основу смартконструирования города снизу, создания Живых лабораторий и до освоения и применения «навыков интеграции и умений, распространенных в пространстве в глобальном масштабе» [8. Р. 16]. До этого уровня пространственное видение киберсоставляющей прошло несколько этапов (и, соответственно, приходящих на смену друг другу концептов), как выделил Комнинос: *Кибергорода, Цифровые города, Интеллектуальные города, Умные города* (рис. 1) [8. Р. 20].

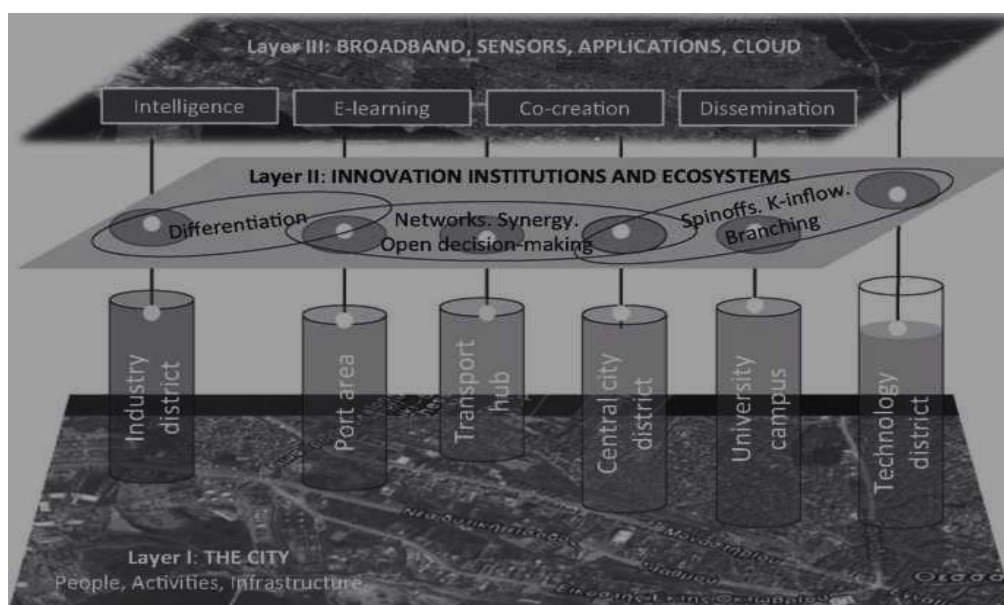

Рис. 1. Цифровое пространство умных городов по Н. Комниносу

«Цифровое пространство умных городов, – по Комнинусу, – можно представить в виде ряда концентрических окружностей инфраструктуры широкополосных сетей, обобщения и анализа данных, веб-приложений и электронных услуг». Далее автор добросовестно и логично описывает сферы и применимые к ним умные технологии (в интересах города, бизнеса, личной жизни горожанина). При всем уважении к идее и ее правомерному восприятию в условиях информационного общества, мы не можем не заметить очевидного маскирующего эффекта – попытки спрятать социальные проблемы и возможности за техническими. Аналогично считают и авторы работ, описывающие эффект изоляции ряда социальных слоев, стран и даже континентов от «благ» того, что называют «информационным обществом», распространяя данное определение на всю современную цивилизацию: «Это глубоко вводящий в заблуждение дискурс: пропасть не цифровая, а так называемая экономическая, но представляя пропасть в технических терминах, предполагаются технические решения» [9. Р. 11–12]. И тогда бизнес, связанный с информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ), навязывает модели развития. Подобно глашатаям предыдущей эпохи индустриализма, нынешние технократы приравнивают технологии к развитию. Из чего следует, что «во-первых, это повторяет традиционное модернизационное мышление, которое варьируется от позитивизма эпохи Просвещения до послевоенной теории модернизации. Во-вторых, для неоллиберальных экономистов и предпринимателей развитие – это распространение рыночных сил» [9. Р. 11–12].

В связи с правом на город, непосредственно в формулировке А. Лефевра, Джо Шоу и Марк Грэм «сканируют» прямое влияние крупнейшего поискового сервиса Google на город: «По мере того, как городская среда становится все более многонаслоенной абстрактными цифровыми представлениями, общая теория Лефевра требует применения в цифровую эпоху» [10]. Рассматривая важнейший правовой аспект теории с позиций того, кому принадлежит право на город, а именно: что влечет за собой урбанизация информации, в данной статье исследуются проблемы и последствия любого «информационного права на город». Авторы убедительно доказывают, «что Google в настоящее время занимает доминирующую долю в любом информационном праве на город» [10]. Шоу и Грэм не прибегают к искусственному приращению «права на город» к классической формулировке Лефевра, поскольку последний рассматривал «право на информацию» в качестве дополнительного права, как одно из условий улучшения жизни городского сообщества (прежде всего, трудящихся), а в глобальном плане и отрицания государства. В реальности получилось, что информатизация городской жизни привнесла еще к большей несправедливости «и право на информацию теперь является более сложным аспектом политической борьбы, чем мог понять Лефевр в свое время. И что «право на город при лучшем понимании сегодняшней критической фазы урбанизации как периода, когда город все чаще воспроизводится с по-

мощью цифровой информации» теперь зависит от права на информацию [10]. Классический пример с производством одного из главных пространств, обозначенных А. Лефевром, «абстрактного» как традиционной вотчины властей (производимого и осваиваемого архитекторами и градостроителями): «Повсеместное развитие цифровых информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в производстве и распространении этого абстрактного пространства теперь занимает центральное место в воспроизведении городского пространства» [10]. Более того, традиционные производители пространства, чья власть, «предоставленная традиционными акторами городских властей – девелоперами, планировщиками, арендодателями – теперь соперничают с появлением новых информационных монополий, такими как Google, Alphabet Inc. Если в предмодерне и модерне «город был концептуализирован как коррелят дороги», теперь он может быть презентован как коррелят оптоволоконка. «Городское общество теперь материально конструируется как функция сетевого информационного обмена – точка, определяемая входами и выходами» [10].

Таким образом, мы видим, что теории и практики информатизации перестраивают концепты, маскируя/отвергая социальные проблемы города, элиминируя само право на город в его онтологии. Разумеется, возврат к доинформационному городу невозможен, но «дополнительное» право на информацию теперь становится центральным применительно к городу. Это можно рассматривать как естественный процесс, подобно урбанизации воды, а также «других исторически возникшие инфраструктур и товаров», которыми живет город» и которые могли стать и становились источниками власти над городом, считают Шоу и Грэм с позиций теорий справедливости и права на город [10]. «Расширение» теории Лефевра, достройка пространств (и не только «абстрактного», на котором сосредоточились Шоу и Грэм) диктуются логикой новой реальности и отчуждением прав горожан с использованием новых технологий информации и коммуникации. Цифровые двойники городов для операторов абстрактного пространства более привлекательны и менее социально затратны, нежели их материальные «исходники». Итак, мы имеем дело с еще одной маской, где информационное право на город измеряется правом на доступ к сети, к источнику информации. Шоу и Грэму удалось, на наш взгляд, показать пределы информационного права на город, а также цену «бесплатного» пользования поисковиком-монополистом. Через беспрецедентную долю пользователей в поисковом посредничестве в ЕС и в мире в целом, через «контроль над цифровой информацией, которую Google имеет право контролировать, воспроизводится городское пространство. Это, в конечном счете, превращается в способность выбирать, как город будет свертываться до информации, и контролировать то, как это переводится в знания и вновь вводится в материальную повседневную реальность. Следовательно, повседневная городская реальность все чаще воспроизводится как “пространство

Google” – пространство, которое все больше измеряется и поддается количественной оценке» [10]. Производитель цифрового пространства участвует, занимая все более и более господствующее положение, в создании городских материальных пространств и проектировании городских отношений.

Таким образом, в поле политической урбанистики попадают не только социальная дифференциация домохозяйств по принципу наличия/отсутствия точек входа в мировую сеть, но и стремление информационных монополистов вывести себя за пределы осязаемых и традиционных источников политики, в нашем случае городской политики. Непривязанность к актуальной городской политике подменяется привлекательной идеологией «изменения мира», «ослепительным будущим», стоящим выше повседневных забот. Практическим примером презентации такого “Google-будущего” представляется реализация проекта в прибрежной части Торонто, где речь идет не просто об умном городе, а построении города, за основу которого взята модель смартфона: «Если рассматривать город как платформу, а дизайн как способность людей быстро ее менять, точно так, как мы кастомизируем свои смартфоны, то можно сделать город более аутентичным, так как он не будет отражать лишь центральный план», а будет быстро трансформироваться в зависимости от нужд жителей» [11]. Торонто отреагировал на такое вторжение весьма скептически. Это не просто редукция живого социального организма до технологического продукта типа смартфона, но фактически подмена демократических процессов корпоративным управлением [11]. И, что принципиально, на наш взгляд, это тестирование возможности доводки управления большими базами данных, в избытке имеющихся у Google, до конкретного уровня управления всеми жизненными процессами с последующим серийным «производством пространственной триады» по дизайну и смыслу одной корпорации (от планирования и застройки до программирования повседневной жизни горожан и отдельной личности). Инцидент с Торонто показал, что практически мы стоим на пороге реализации тоталитарной киберутопии, возникающей на почве элиминации города как базового субъекта из сферы политического, превращения гражданина в пользователя (и функции кибергорода), подмены политического доминирующей идеологией, основанной на рефлексе наживы за счет города как обычного товара.

Коронакризис, хотя раскрыл декларативность лозунга и маскирующих практик «умных городов», но и высветил проблему устойчивого развития как все более насущную, в том числе и в таком важном сегменте выживания цивилизации, как города. В этой связи стоит обратиться к документу, позволяющему оценить взгляды ООН на стратегические направления гарантии устойчивости и ее обеспечения на практике. Доклад «Социально-умные устойчивые города» (People-Smart Sustainable Cities) послужит нам результирующим документом, позволяющим дать оценку описанным трендам. Он подготовлен и опубликован Европейской экономической комиссией Организации

Объединенных Наций в 2020 г. Данную попытку можно считать продуктивной уже потому, что поставлен вопрос о городе как ключевом звене устойчивого развития планеты. А это позволяет вывести цель и задачи политики в отношении городов с локального уровня на глобальный и цивилизационный, включив их в цели устойчивого развития мира (ЦУР) на период до 2030 г. В докладе провозглашается, что «ни одна нация не может претендовать на устойчивость, если многие ее города не являются таковыми» [12. С. XI].

При этом, как показывает анализ документа, механического соединения известных штампов в нем больше, чем социально ориентированного контекста: урбанизация, глобализация, цифровая революция, устойчивость, умный город, кризис. Актуализированная разгаром пандемии COVID-19 повестка должна была показать алгоритм противодействия рискам и угрозам – природным и рукотворным. Пандемия стала фактором, вновь вернувшим в «политическую повестку дня» проблему устойчивых и жизнестойких городов; что «жизнестойкость следует рассматривать как «метафору перемен, а не как сопротивление переменам» [12. С. 30]. И все же «умножение сущности без необходимости» уводит нас от понимания именно сути проблемы. Бесчисленные приращения не дают понимания этапа, особенностей новых вызовов. По тексту мы видим последовательные расшифровки: города видятся одновременно как экономически состоятельные (производительные города, конкурентоспособные города, креативные города), социально ответственные (открытые города, удобные для жизни города, справедливые города, комфортные для проживания людей пожилого возраста города) и экологически грамотные (ресурсосберегающие города, «зеленые» экогорода, жизнестойкие города) [12. С. 3]. Продолжающийся переход к цифровым технологиям и развитие «умных» технологий добавил к характеристикам «умное» измерение в качестве нового требования нормативности для технологического общества [12]. Авторы доклада считают, что для того чтобы быть умным, город нуждается не только в эффективных технологиях, но и в преобразовании систем управления, взаимодействия граждан и создания ценностей.

Здесь вновь уместно поставить вопросы, как вышеперечисленные параметры вписать в семиосферу города и кто фактически будет определять систему ценностей и наполнять город смыслом. Власть, но кому она принадлежит? Наш экскурс в хорошо замаскированную природу власти современного города показывает, что доступным индикатором для начала вопрошания является лефеврианский вопрос: кому принадлежит право на город? Вчитываясь в доклад как в своего рода «программу будущего», модель устойчивого постпандемийного мира и понимая, что этот доклад, скорее всего, останется очередным документом «по поводу», все больше осознаешь, что право на возвращение города горожанам кроется в реальной, а не бутафорской публичности действий всех причастных к проблеме (или проблемам) субъектов в отношении города.

Итак, «право на город» приобретает категориальный характер и включается в научный контекст поли-

тической урбанистики, исследующей и новые городские властные практики, а с точки зрения теоретической, оно интерпретируется нами в пределах концепта политического конструирования реальности. И речь далее пойдет о «праве на город», трактуемом как «право на производство городского пространства», что согласуется и с позицией А. Лефевра [13]. Но акцент в нашем случае надо сделать не на «уровнях» его производства, а на конституирующей роли пространства в отношении социальной жизни. Сам город, понимаемый как пространство, с семиотической точки зрения, представляет собой «текст», а именно законченное знаковое произведение, в котором все символы и их значения, ценности и идеи взаимоувязаны. Другими словами, для нас пространство города выступает в виде сформированной символической конструкции по типу текста. Семиотическое пространство, или семиосфера, согласно Ю.М. Лотману, заполнено языками, понимаемыми тоже семиотически. Контекстуально пространство вписано в культуру города и от самого наличия семиосферы зависит коммуникация [14. С. 251–252]. Политическое конструирование как действие производится с помощью символического моделирования, когда символический ряд модели воспроизводится в ментальной конструкции «город», но «конструктором» совсем не обязательно является городская власть. Потому модернистский постулат о «революционном творчестве классов», занимающий важное место в концепции А. Лефевра, мы замещаем постмодернистской по духу идеей *конструктивного творчества горожан*, способного на символический креатив в отношении города (создание ценностей, образа/имиджа/бренда, идентичности). Эта символически-проективная деятельность, создание конструкции «мыслимого» города, сущностно зависит от социальной коммуникации.

Итак, конституирующая роль семиотического пространства в отношении социальной жизни репрезентируется с помощью творческого действия моделирования. В результате складывается *новая коммуникативная практика*, не ориентированная на капиталистические ценности традиционного маркетинга, представленные официальной властью, о чем речь шла выше. По сути, в ситуации, если выявилась несостоятельность института власти в отношении производства смыслов, появляется новая ветвь символической власти, которую, по Бурдьё, можно идентифицировать как власть политическую [15]. И в случае, когда различные ветви символической власти в городе начинают претендовать на «миротворение», тогда-то и реализуется «право на город» в символическо-пространственной сфере. Теперь развернем выдвинутый тезис и дадим ему более подробное теоретическое обоснование.

Согласно теории политического конструирования реальности, возникает новое пространственное воплощение города, *не относящееся к повседневному миру, но увязанное с ним в смысловое единство*. Другими словами, конституируется отличная от официальной картины мира область значений, и ее онтологический статус связан с востребованностью именно

смыслового мира и необходимостью поддержания культурно-языкового развития на уровне города. Это способствует выстраиванию семиосферы, являющейся не только результатом, но и условием культурной жизнедеятельности, вот почему семиотическое пространство предпослано коммуникации как символическому обмену [14. С. 250]. Новый язык или код, на котором «проговаривается» идея «права на город», с точки зрения феноменологии, появляется лишь при формировании установки, выраженной в сосредоточении внимания на предмете. С позиции же актуализации самой концепции «права на город», происходит проблематизация предмета и, согласно особенностям современной сетевой коммуникации, начинается обсуждение актуализированного предмета, превращающегося в «тему». Возникает эффект «медиа», понимаемого в широком смысле посредничества как такового, что дает возможность переживать опыт проблематизации совместно с другими. Это коммуникативное пребывание в медийном пространстве, в свою очередь, сообщает знание и уверенность в «реальности» нового смыслового мира. Конечно, речь идет лишь о расширении субъективного, феноменов жизненного мира человека, существующих в виде ментальных образов, выстроенных согласно конструктивной (создающей смысл) символической модели.

Сегодня каждый человек, посылающий сообщения в сетевой коммуникации, сам становится медиа, а совокупность людей, обсуждающих одну тему, уже способна создать своего рода медиареальность. И если медиареальность конституируется и обретает смысловую структуру, то она становится «призмой», сквозь которую отдельный человек воспринимает медиаобразы. Тем самым в сети люди одновременно и конструируют «мыслимый» город и тут же интернализируют его образ-конструкцию. Все представленные к восприятию медиаобразы и медиатексты являются собой феномены креативного сознания, состоящие из *интерактивно сформированных субъективных фактов-конструктов*. И если этот образный комплекс получает название, перед нами уже результат действия символической власти, «сотворившей» новый мир. В контексте концепта политического конструирования реальности конструктором выступает политическая власть в широкой трактовке термина «власть». М. Фуко, в данной связи, понимал под властью воздействие любых дискурсов, производящих истину [16. С. 283, 286].

Представляется необходимым более подробно прояснить наше понимание власти по М. Фуко. Обычно под властью в обществе подразумеваются отношения господства, эту трактовку задал еще М. Вебер в четвертом томе «Хозяйства и общества». В концепте господства на первое место выходит институциональный и структурный взгляд, т.е. власть отождествляется с государством и его органами. В плане же организатора властного отношения как реализованной «возможности» выступает господствующая и легитимная официальная власть. Официальная политическая власть при этом формирует большие дискурсивные стратегии и с помощью поли-

тической коммуникации навязывает их обществу. Однако М. Фуко определял власть во внеинституциональных и внеструктурных категориях, таких как «силы», «дискурс» и «тактики». В установленном социальном пространстве возникает множество точек силы и потому отсутствует центр власти, но в данных точках осуществляется малое силовое тактическое давление. Перед нами силы одновременно и власти, и знания. Таким образом, сформированное властное отношение в обществе не одно, а их множество и они реализуются как «микросражения». Государство же, согласно Фуко, опирается и должно опираться на эти малые тактики [16. С. 289–290].

Итак, политическая власть, согласно нашему пониманию, это любая (не обязательно официальная) власть, конструирующая субъективную реальность, номинирующая ее и репрезентирующая в качестве смыслового мира. Тем более, что сегодня все официальные власти подвержены феномену деконструкции в том смысле, что они либо добровольно отказываются от преимуществ именно символической власти, либо смысл их репрезентаций не получает коммуникативной поддержки. То есть официальная власть не производит смыслы, и властный дискурс как социально-коммуникативная практика ограничен позиционированием институционального статуса. И здесь во многом виноваты традиционные массмедиа, которые выступают своего рода «антимедиатором». По мнению Ж. Бодрийяра, в такой «не-коммуникации» не происходит «обмена», если под коммуникацией понимать простой однонаправленный процесс передачи и приема информации. Другими словами, медиа блокируют обратную связь и, тем самым, порождают лишь симуляцию ответа. В итоге «речь» власти формируется таким образом, чтобы на нее как раз не был получен ответ [17. С. 238]. Официальная символическая власть и сегодня все еще тяготеет к приемам «старых медиа», пытаясь аналогично односторонне использовать и сетевую коммуникацию. Неудивительно, что именно значащей политической коммуникации и не получается, поскольку «пустая речь» власти не трансформируется во властный дискурс. Тогда «конструктивными», организующими смыслонесущую коммуникацию, часто выступают неофициальные ветви символической власти. В нашем случае *подлинно конструктивная власть производит конкретный концепт «право на город».*

Конструктивная ветвь символической власти по своему предназначению по-прежнему осуществляет легитимацию порядка или мироустройства. Политическая легитимация в виде символического процесса существует исключительно в коммуникативной форме и выражается в конструировании новых значений, согласно которым интегрируются уже имеющиеся институциональные значения. В любом случае политически конституированные смыслы объективно и медийно доступны лишь в новых коммуникативных социальных практиках, где сохраняются функции объяснения и обязательен когнитивный аспект обоснования концепта. При этом «правильное прочтение»

посланий конструктивной власти также зависит от наличия интерпретативной схемы, которую сама власть обычно и предлагает. Парадоксальность эффекта конструктивисткой деятельности любой ветви символической власти состоит в том, что мир медиаобразов выступает объективной реальностью для того, кто его воспринимает. В ходе самоорганизованной коммуникации индивид получает конкретный символический «материал» для самоконструирования интернализированного городского мира как значимой реальности и такую смысловую идентификацию, которую он может совместить с индивидуальной идентичностью. И, согласно семиотической трактовке политической коммуникации, подобное означивание происходит только в результате интернализации определенного языка и выстраивания особого нарратива. Эффективная политическая власть способна создавать целые медианарративы, чтобы в результате успешной политической коммуникации начало работать воображение некоей «общественности». И здесь активная «общественность» заменяет общество, а ее, в свою очередь, представляют и составляют различные «публики» [18. С. 259].

Публика сегодня – это совокупность тех, кто принимает участие в обсуждении в различных сетевых «узлах», группы медиаактивистов, создающие новые аудитории для тем. Политическая коммуникация в сети, в ходе которой поддерживаются медиафеномены, очевидно, утратила однонаправленный характер. «Пользователь» не просто выбирает текст, достойный «прочтения», но становится соавтором [19. С. 155]. Потому сообщение сегодня не равнозначно тому, что послано кем-то, а зависит от того, что отобрано на стороне приема. Власть и влияние в сетевом пространстве сосредотачивается не «наверху» управляющей институциональной иерархии, а в звене сетевого отбора, поскольку «послание» и есть актуализированная информация [20. С. 98]. И если обсуждение идеи «права на город» актуализировалось, оно, по сути, аналогично обсуждению «некоммерческого» бренда в сети. Тем самым политический брендинг, осуществленный сегодня действующей символической властью посредством массмедиа, во многом состоит в присвоении темы.

Таким образом, конструктивная политическая власть, стремящаяся создать постпандемийный смысловой универсум, должна символически и коммуникативно оформить такое городское пространство, которое, в свою очередь, способно конституировать социальный порядок, включающий неотъемлемое «право на город». И в этом будет состоять подлинное политическое участие горожан в новом мироустройстве, не замкнутом исключительно на капиталистических ценностях, игнорирующих социальную справедливость.

Гегель, уделивший огромное внимание государству как воплощению *абсолютной идеи*, высказал при этом удивительно актуально звучащую мысль в отношении города: «Чувство своей значимости теснейшим образом связано с требованием правопорядка. Поэтому сознание свободы и порядка возникло главным образом в городах» [21. С. 243].

Список источников

1. Бауман З. Социологическая теория постсовременности // Социологические очерки. Ежегодник. Вып. 1. М. : Институт молодежи, 1991. С. 28–48.
2. Magnusson W. The symbiosis of the urban and the political // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2014. Vol. 38.5. P. 1561–1575.
3. Aisenschitz A. Place branding and the neoliberal class settlement // *A Research Agenda for Place Branding* / ed. by D. Medway, G. Warnaby, J. Byron. Cheltenham, 2021. P. 19–32.
4. Hunter S. City as a political idea: An interview with Krzysztof Nawratek // *The New Metropolitan*. URL: <http://www.newmetropolitan.hss.ed.ac.uk/2015/02/19/899/> (дата обращения: 14.08.2021).
5. Florida R. Where do College Grads Live? The Top and Bottom US Cities // *CityLab – Bloomberg*. 23 August 2019. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-08-23/ranking-america-s-most-educated-cities>
6. Лэндри Ч. Креативный город. М. : Классика-XXI, 2011. 399 с.
7. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М. : Классика-XXI, 2011. 432 с.
8. Komninos N. The age of intelligent cities: smart environments and innovation-for-all strategies. London ; New York : Routledge, 2015. 278 p.
9. Pieters Y.N. Digital Capitalism and Development: the Unbearable Lightness of ICT4D // *Incommunicado reader* / ed. by G. Lovink, S. Sehle. Amsterdam : Institute of Network Cultures, 2005. P. 11–29.
10. Shaw J., Graham M. An Informational Right to the City? Code, Content, Control and the Urbanization of Information // *Antipode*. 2017. Vol. 49, is. 4. P. 907–927. doi: 10.1111/anti.12312
11. Google строит города: высотки из дерева, умное ЖКХ и подогрев асфальта // *Ведомости*. URL: <https://kp.vedomosti.ru/technopark/article/2019/10/24/814619-vzyatsya-za-um> (дата обращения: 07.12.2021).
12. Социально-умные устойчивые города. Женева : Организация Объединенных Наций, 2020. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-04/ECE_INF_2020_3_RUS.pdf
13. Паченков О. «Право на город»: Калейдоскоп подходов в (пост)марксистской традиции. URL: https://eusp.org/sites/default/files/archive/REPUBLICA/Pravo_na_gorod_Pachenkov_13.02.pdf (дата обращения: 27.11. 2021).
14. Лотман Ю.М. Семиотическое пространство // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2001. С. 250–256.
15. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // *THESIS*. 1993. Вып. 2. URL: https://igiti.hse.ru/data/157/314/1234/2_2_3Bourd.pdf (дата обращения: 30.11.2021).
16. Фуко М. Власть и знание // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М. : Праксис, 2002. С. 278–302.
17. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М. : Академический проект, 2007. 335 с.
18. Тард Г. Мнение и толпа // *Психология толп*. М. : Институт психологии РАН; КСП+, 1998. С. 255–408.
19. Кастельс М. Власть коммуникации. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
20. Больц Н. Азбука медиа. М. : Европа, 2011. 136 с.
21. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990. 524 с.

References

1. Bauman, Z. (1991) *Sotsiologicheskaya teoriya postsovremennosti* [Sociological theory of postmodernity]. *Sotsiologicheskie ocherki*. 1. pp. 28–48.
2. Magnusson, W. (2014) The symbiosis of the urban and the political. *International Journal of Urban and Regional Research*. 38.5. pp. 1561–1575.
3. Aisenschitz, A. (2021) Place branding and the neoliberal class settlement. *A Research Agenda for Place Branding*. Cheltenham: Edward Elgar. pp. 19–32.
4. Hunter, S. (2015) City as a political idea: An interview with Krzysztof Nawratek. *The New Metropolitan*. [Online] Available from: <http://www.newmetropolitan.hss.ed.ac.uk/2015/02/19/899/> (Accessed: 14.08.2021).
5. Florida, R. (2019) Where do College Grads Live? The Top and Bottom US Cities. *CityLab – Bloomberg*. August 23rd. [Online] Available from: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-08-23/ranking-america-s-most-educated-cities>.
6. Landry, Ch. (2011) *Kreativnyy gorod* [Creative City]. Moscow: Klassika-XXI.
7. Florida, R. (2011) *Kreativnyy klass: lyudi, kotorye menayut budushchee* [The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life]. Translated from English. Moscow: Klassika-XXI.
8. Komninos, N. (2015) *The age of intelligent cities: smart environments and innovation-for-all strategies*. London; New York: Routledge.
9. Pieters, Y.N. (2005) Digital Capitalism and Development: the Unbearable Lightness of ICT4D. In: Lovink, G. & Sehle, S. *Incommunicado reader*. Amsterdam: Institute of Network Cultures. pp. 11–29.
10. Shaw, J. & Graham, M. (2017) An Informational Right to the City? Code, Content, Control and the Urbanization of Information. *Antipode*. 4 (49). pp. 907–927. DOI: 10.1111/anti.12312
11. Vedomosti. (2019) Google stroit goroda: vysotki iz dereva, umnoe ZhKKh i podogrev asfal'ta [Google builds cities: high-rises made of wood, smart housing and communal services and asphalt heating]. *Vedomosti*. [Online] Available from: <https://kp.vedomosti.ru/technopark/article/2019/10/24/814619-vzyatsya-za-um> (Accessed: 07.12.2021).
12. UNECE. (2020) *Sotsial'no-umnye ustoychivye goroda* [Socially smart sustainable cities]. Geneva: The United Nations. [Online] Available from: https://unece.org/sites/default/files/2021-04/ECE_INF_2020_3_RUS.pdf.
13. Pachenkov, O. (2008) “Pravo na gorod”: *Kaleydoskop podkhodov v (post)marksistskoy traditsii* [“The Right to the City”: A Kaleidoscope of Approaches in the (Post) Marxist Tradition]. [Online] Available from: https://eusp.org/sites/default/files/archive/REPUBLICA/Pravo_na_gorod_Pachenkov_13.02.pdf (Accessed: 27.11. 2021).
14. Lotman, Yu.M. (2001) *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg: Iskusstvo SPB. pp. 250–256.
15. Bourdieu, P. (1993) *Sotsial'noe prostranstvo i simvolicheskaya vlast'* [Social space and symbolic power]. Translated from French. *THESIS*. 2. [Online] Available from: https://igiti.hse.ru/data/157/314/1234/2_2_3Bourd.pdf (Accessed: 30.11.2021).
16. Foucault, M. (2002) *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yū* [Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews]. Translated from French. Moscow: Praksis. pp. 278–302.
17. Baudrillard, J. (2007) *K kritike politicheskoy ekonomii znaka* [Towards a critique of the political economy of the sign]. Translated from French. Moscow: Akademicheskii projekt.
18. Tarde, G. (1998) *Psikhologiya tolpy* [Psychology of Crowds]. Translated from French. Moscow: Institute of Psychology RAS; KSP+. pp. 255–408.
19. Castells, M. (2011) *Vlast' kommunikatsii* [Communication Power]. Translated from Spanish. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
20. Bolz, N. (2011) *Azbuka media* [ABC of media]. Translated from German. Moscow: Evropa.
21. Hegel, G.W.F. (1990) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Translated from German. Moscow: Mysl'.

Информация об авторах:

Щербинин А.И. – д-р полит. наук, зав. кафедрой политологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: shai52@mail.ru

Щербинина Н.Г. – д-р полит. наук, профессор кафедры политологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sapfir.19@mail.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.I. Shcherbinin, Dr. Sci. (Political Science), professor, Department of Political Science, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shai52@mail.ru

N.G. Shcherbinina, Dr. Sci. (Political Science), professor, Department of Political Science, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sapfir.19@mail.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.12.2021;
одобрена после рецензирования 21.01.2022; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 15.12.2021;
approved after reviewing 21.01.2022; accepted for publication 28.01.2022.*